

Вышедшая в свет в 1980 г. коллективная монография «Эстонский фольклор» в сущности первая книга на русском языке, обстоятельно знакомящая читателей нашей страны с народно-поэтическим творчеством эстонского народа. Среди ее авторов известные фольклористы А. Аннист, Р. Вийдалепп, Х. Тампере, Ю. Тедре, И. Рютель, И. Сарв, В. Мялк, В. Пино и многие другие. Выход в свет книги — важный шаг на пути дальнейшего сближения, улучшения взаимопонимания и укрепления дружбы между социалистическими нациями Советского Союза. Ее можно поставить в один ряд с обобщающими исследованиями по грузинскому, коми, казахскому фольклору, опубликованными в последние годы на русском языке и уже поэтому доступными фольклористам всех республик Советского Союза¹.

Книга открывается введением, в котором кратко излагается этническая история эстонцев, дается характеристика их языка и древних народных верований, наложивших свой отпечаток на развитие устной народной поэзии. Авторы дают четкое определение своего понимания фольклора, показывают условия и формы его бытования, характеризуют народно-поэтические жанры, раскрывают их взаимодействие с поэзией соседних народов и приводят другие сведения, необходимые для правильного восприятия читателем предлагаемого материала.

Здесь необходимо отметить некоторые очень верные положения о закономерностях бытования и распространения произведений фольклора, их варьирования. «Любое исполнение произведения — это одновременно и его воспроизведение, и его импровизация, — говорится в книге. — Чаще всего произведение усваивается не путем сознательного заучивания, а просто запоминается теми, кто слушал его неоднократно. В памяти запечатлевается прежде всего сюжет: основная линия развития действия и некоторые узловые моменты» (с. 15). Рассматривая проблему соотношения традиции и импровизации в развитии народной поэзии, авторы дают верное марксистское толкование коллективности народно-поэтического творчества. Положительной оценки заслуживает также тезис о большом значении для развития традиционной народной песни приема контаминации, распространению которой способствовал общий не только для песен, но и для всех стихотворных жанров (заговоры, обрядовая поэзия) «рунический» (от термина *рина* — эпическая песня) размер стиха. Контаминация, или объединение в одном тексте нескольких сюжетов или эпизодов из различных песен, характерна также и для традиционной поэзии карелов, ижоров и финнов.

Сжато, но для подобного издания достаточно полно, рассматривается процесс становления и развития эстонской фольклористики. Примечательной чертой этого во многом сложного и противоречивого процесса было то, что с момента возникновения интереса у эстонской национальной интеллигенции к поэтическому творчеству своего народа эстонские фольклористы уделяли большое внимание планомерному собиранию произведений фольклора, их систематизации и хранению в архивах. Если в начальный период (в 30—60-е годы XIX в.) в собирательской работе принимали участие лишь немногочисленные энтузиасты (с. 27), то уже в 1876 г. известный исследователь и собиратель фольклора Якоб Хурт приступает к созданию широкой сети корреспондентов из представителей интеллигенции, в первую очередь учителей народных школ. С ее помощью в Эстонии и в наши дни осуществляется значительная часть собирательской работы, координируемой Фольклорным архивом Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда. В результате в фольклорных фондах Эстонии хранится свыше 1 миллиона страниц записей устной народной поэзии. Ценность этого материала не только в том, что он дает широкую картину бытования различных жанров фольклора и в диахронном, и в синхронном срезе, но и в том, что на основе хранящихся в архивах и дополняемых систематической собирательской работой материалов возможна плодотворная издательская деятельность. Подобная собирательская и архивная практика составляет примечательную черту эстонской фольклористики, о чем красноречиво свидетельствуют не только краткая характеристика вышедших в свет сборников и многотомных антологий фольклора, но и приведенный в конце книги «Список использованной литературы».

Основная часть монографии состоит из разделов: «Народные песни», «Музыкальный и хореографический фольклор», «Повестьвательный фольклор», «Пословицы и поговорки».

Самым обширным в книге по праву является раздел «Народные песни». У эстонцев, как и у многих других народов, песня не только самый популярный и продуктивный род фольклора, как пишут авторы книги, но и наиболее емкая, не утратившая своей синкретичности форма выражения души народной.

Классифицируя народные песни, авторы подразделяют их на «две большие группы: на песни старинные, или старшей формации, использующие рунический стих, и на песни новые, или новой формации, с конечной рифмой» (с. 47). Само по себе такое деление правомерно, однако вызывает возражение использование термина «формация». Он не подходит для обозначения песенных стилей. Следовало бы скорее говорить о «руническом» стихе, «руническом» стиле, «рунической» поэзии применительно к общей для эстонцев, ижоров, карелов, финнов древней народно-поэтической традиции, а песни с рифмованным стихом называть «строфической песней», поскольку в них четко выделяется и музыкальная, и, как правило, стихотворная строфа.

¹ Грузинское народное поэтическое творчество. Пер. с груз. Тбилиси: Мерани, 1972. 551 с.; Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1975. 430 с.; История коми литературы. Т. I. Фольклор. Сыктывкар: Изд-во, 1979. 247 с.

Во вводной части раздела «Народные песни» излагаются принципы классификации рунических песен по их жанровому своеобразию (лиро-эпические и лирические) и по тематике. В ней показано историческое развитие рунического стиха на протяжении многих веков, говорится об отличительных особенностях причитаний, явлении, по мнению авторов, более древнем, чем возникший еще до нашей эры рунический песенный стиль.

Лиро-эпические песни рунического стиля подразделяются на «мифические песни» (видимо, правильнее было бы: «мифологические»), «песни об отношениях в семье», «о повседневной жизни и труде», «песни-легенды». В этой главе рассматриваются, таким образом, эпические руны, имеющие довольно сильную лирическую окраску. В приведенном выше перечне отсутствуют песни героического содержания. Этим эстонский народный поэтический эпос отличается от рунического эпоса других прибалтийско-финских народов, у которых сказания о подвигах героев в борьбе за счастье и благополучие народа сложились в героико-эпические песни. В Эстонии же такие сказания сохранились в виде преданий, которые были использованы для составления книжного поэтического эпоса «Калевипоэг» Ф. Р. Фельманом и Ф. Р. Крейцвальдом уже в период становления и укрепления эстонской буржуазной нации в середине XIX в. В остальном же эстонские эпические песни рунического стиля близки песням этого жанра у других прибалтийско-финских народов, особенно ижоров, проживавших в близком соседстве с эстами.

Описание произведений и жанров фольклора и путей их развития в книге дается на основе сравнительно-исторического метода, в тесной связи с жизнью трудового народа, историей его борьбы против иноземных и национальных угнетателей.

В главе «Старинные лирические песни» характеризуется весь остальной песенный фонд рунического стиля. Сюда включены «Календарные обрядовые песни», «Свадебные песни и обряды», «Трудовые песни», «Песни о социальных отношениях», «Песни о песне и песенниках», «Песни о родном доме и детстве», «Песни о молодежи».

Такая классификация песенных жанров кажется несколько необычной, но в ней отразились не только особенности песенного творчества эстонцев, но и определенные национальные традиции фольклористики как науки. Тематический принцип классификации народных песен позволяет дать читателю, особенно не знакомому с эстонским фольклором, четкое представление об основном направлении и содержании песенного творчества эстонского народа, показать весь круг проблем социального, семейно-бытового, интимного характера, на протяжении веков волновавших народ. Авторы книги тем самым помогают читателю лучше понять национальный характер, переживания, мечты и надежды народа.

Глава «Стиль и язык старинных народных песен» дает представление об основных особенностях рунического стиха, для которого характерны архаический язык, восьмисложный хорей, богатая аллитерация, развитые параллелизм и система синонимов, дескриптивные и ономапопеические слова.

В главе «Народные песни позднего происхождения» описывается очень сложное явление — смена рунического песенного стиля новым, в основе которого лежит рифмованный стих с трех- или четырехстопным хореем, ямбом или другими метрами, основанными на словесном ударении, а также строфическое строение песни. К сожалению, для песен этого стиля фольклористика не выработала сколько-нибудь приемлемого принципа классификации с учетом совокупности таких факторов, как содержание, характер исполнения, отношение к каким-то действиям (например, к хороводным играм, танцам), художественные особенности, функциональная связь с музыкальным оформлением и т. п. Придерживаясь, как и при рассмотрении рунической поэзии, тематического принципа анализа, авторы подразделяют строфические песни на следующие группы: «Любовные песни», «Деревенская хроника», «Песни о дальних странствиях», «Песни социального протеста», «Революционные песни».

На наш взгляд, художественные достоинства, да и содержание строфических песен оказались раскрытыми не столь полно и убедительно, как рунических. Правда, в этом плане главу о песнях позднего происхождения очень удачно дополняют главы раздела «Музыкальный и хореографический фольклор», посвященные становлению и развитию нового музыкального стиля, жанровым особенностям песенных мелодий, описанию «песенных игр», где частично рассматривается и содержание песен. Жаль только, что эта часть характеристики материала оказалась оторванной от анализа словесной поэтической ткани песен. Здесь же мы впервые получаем некоторое представление о романсах и новых балладах, бывших сравнительно недавно популярными в народе. Без них анализ песенного репертуара эстонской деревни был бы неполным.

Раздел «Народные песни» завершается характеристикой исполнительского мастерства и творческих особенностей ряда сказителей, донесших до нас рунические песни, и так называемых «деревенских песенников», еще в недавнем прошлом слагавших «рифмованные насмешливые песни о жизни своих земляков».

Уместно подчеркнуть, что открытие «деревенских песенников» как определенного явления в составе народного поэтического творчества явилось результатом хорошо поставленной, систематически ведущейся собирательской работы, что помогло зафиксировать песни, условно говоря, в самый момент их зарождения, из первых рук и получить представление об их создателях до того, как песни стали общенародными или, отжив свой короткий век, были забыты.

В разделе «Музыкальный и хореографический фольклор» достаточно полно характеризуются как рунические, так и строфические народные песни, а также песенные игры и народные танцы.

Раздел «Повествовательный фольклор» знакомит читателя со сказкой, в недавнем

прошлом наиболее развитым жанром народной прозы. Ее разновидности рассматриваются в книге в соответствии с общепризнанной классификацией по системе Аарне — Томсона. Авторы стремятся показать прежде всего национальные особенности сказочного творчества, что вполне оправданно. Специальная глава посвящена народным анекдотам.

Большое внимание уделено преданиям — это и понятно, ибо именно народные предания легли в основу эстонского поэтического эпоса «Калевипоэг». Предания подразделяются на этиологические, мифологические, топонимические, предания о великанах и богатырях и исторические предания.

В отдельной главе рассматриваются так называемые сказы — устные рассказы, которые в русской фольклористике принято называть бывальщинами. Эти короткие художественные рассказы, основанные на личном переживании самого рассказчика или какого-либо другого лица, получили широкую популярность, хотя их «распространенность... может ограничиваться, например, даже одной деревней... Их существование во времени часто не превышает жизни одного поколения» (с. 286). Но это несомненно интересное явление духовной жизни народа, и его необходимо изучать точно так же, как физики изучают какую-нибудь элементарную частицу, «жизнь» которой может длиться доли секунды.

Наиболее динамичным и постоянно изменяющимся жанром народной поэзии и в наши дни являются поговорки и пословицы, обогащающие живую речь, делающие ее сочной, красочной и выразительной. Этот жанр народной поэзии рассматривается в заключительном разделе — «Пословицы и загадки». Авторам удалось дать довольно полную картину бытования поговорок и пословиц.

Большое внимание они уделяют загадке, одному из очень древних видов народно-поэтического творчества, раскрывая ее функциональные связи, в частности с обрядами сватовства.

В заключение остается еще раз подчеркнуть, что выход в свет книги «Эстонский фольклор» — очень нужное и полезное дело. Было бы целесообразно дополнить эту хорошую книгу антологией эстонского фольклора на русском языке, в которой были бы представлены основные жанры и виды народной поэзии.

Следует сказать, что перевод рецензируемой книги на русский язык выполнен достаточно хорошо, хотя порой и встречаются досадные оплошности. Это касается прежде всего иллюстративного материала, главным образом песен, переводы которых перенасыщены областной лексикой, диалектными и устаревшими словами и выражениями. Нельзя признать удачным и употребление слова «сказывать» в значении «рассказывать» или слова «сбор» вместо общепринятого в фольклористике «собрание» (пронзведений народного творчества).

Однако эти замечания ничуть не умаляют заслуженно высокой оценки рецензируемой книги и того огромного труда, который вложили в ее создание авторы. Жаль только, что издана она весьма скромным тиражом.

Э. С. Киру

Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1980, 224 с.

Рецензируемый сборник «Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР» посвящен в основном публикации и теоретическому осмыслению новых краниологических материалов из коллекций отдела антропологии Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград). Большое место занимают в сборнике работы, посвященные тем или иным аспектам проблемы происхождения центральноазиатской расы: географии, хронологии и ведущим факторам в ее генезисе.

Н. Н. Мамонова в статье «Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии» публикует большую серию черепов (46 мужских и 28 женских) скифского времени из Улангомского могильника на территории Западной Монголии, а также данные о более мелких и в основном неизвестных широкому читателю находках на территории Западной Монголии и Алтая скифского времени (Бух-Мурын, Манхан, Уландрык — материалы изучены В. П. Алексеевым). Эти черепа скифского времени сопоставляются с одновременными краниологическими сериями из Западной, Центральной и Восточной Тувы, Горного и Предгорного Алтая, а также с более ранними краниологическими сериями тагарской культуры Минусинской котловины и двумя ранее неопубликованными уникальными черепами афанасьевской эпохи из Западной Монголии (Баян Хонгор). Автор считает, что в скифское время на территории Западной Монголии, как, по-видимому, и на сопредельных территориях Алтая и Тувы, происходил процесс метисации, очевидно, местного европеоидного населения с постепенно проникающими в эти районы Центральной Азии монголоидами. Таким образом, Западная Монголия, вероятно, была частью более широкого региона формирования специфических особенностей центральноазиатской расы.

В статье В. И. Богдановой «Новые палеоантропологические материалы конца I тысячелетия н. э. из Тувы» сделана попытка определения доли европеоидного и монголоидного компонентов в нескольких краниологических сериях тюркского времени с территории Тувы. Материалом для такого анализа послужили небольшие краниологические серии тюркского времени из Центральной Тувы (Аргалыкты и Кара-Тал), из Западной Тувы (Кокэль — неопубликованные данные, представленные в распоряжение